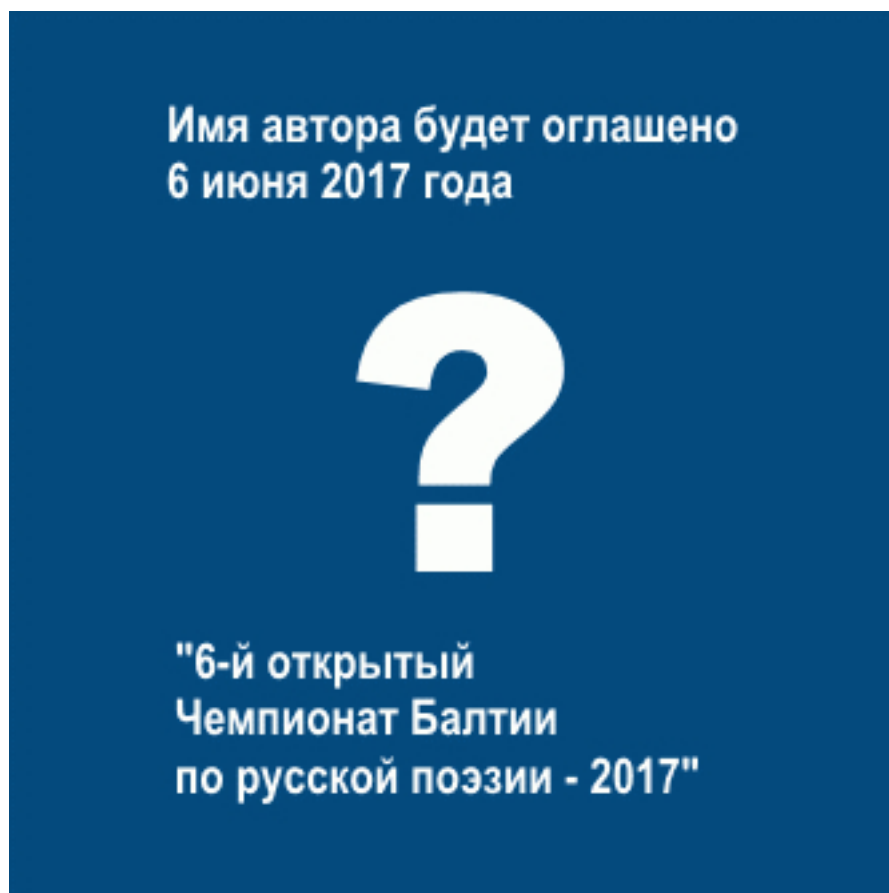

Имя автора будет оглашено в Итоговом протоколе конкурса.

Ковчег

Океан космический глубок
и таит опасностей немало:
то звезда сама в себя упала,
то галактики сплелись в клубок.
В нем царят нейтронные ветра
и фотонов мощные течения.
Бьют фонтаны гамма-излученья.
В омут тянет черная дыра.
На светиле - вспышка, и вот-вот
с головою все вокруг накроет
электромагнитною волною,
в щепки разметав плот, шхуну, флот...

Но, из года в год, из века в век
в ритме галактическом нон-стопа,
нас укрыв от звездных волн потопа,

среди вселенных странствует Ковчег.
Под безумной звездной кутерьмой,
под вуалью северных сияний
Хрупкий мир беспомощных созданий,
Гордо именуемый Землей,
жил своим обычным чередом,
где мирясь, а где всерьез воюя.
Где по делу, а порой - впустую
друг на друга насылая гром.

Да и то - в далекой стороне.
В нашем, скажем, тихом захолустье
в кадках млели рыжики да грузди,
сок в наливку отдавал ранет...
Подходил к концу не прошлый год.
Падал снег, еще не прошлогодний.
То ли в саванах, то ли в исподнем
небеса водили хоровод.
Справившись с декабрьским вполне,
бойко перевыполняя планы,
засыпало все вокруг небесной манной,
пряча перспективу в пелене.

Ближний мир был благостен и тих,
белой мглы задернув занавеску.
Угловат и неуклюж по-детски
на листок ложился новый стих.

Он был в Иерусалиме...

Ей было все хуже и хуже.
Он знал, что исход уже близок -
к концу подходил третий месяц
из трех, что сулили врачи.
Все чаще охватывал ужас...
А тут - приглашение, виза,
и в списке на курсы - два места -
причинней не надо причин.

Она понимала, что силы
ее с каждым днем покидают.
Иссякли отчаянья слезы.
Надежды погас робкий свет.
Кровиночку благословила,
моля, чтоб в сторонushке дальней
хранили бы сыночку звезды

от напастей разных да бед.

Он был первый раз за границей.
Учился на совесть - как профи.
А после - бродил вдоль прибоя,
вдыхая ночной теплый бриз.
Глаза закрывал - нет, не снится:
пляж Яффы и Сквер Дизенгоффа.
Казалось, чего еще боле,
не знал - на шабат ждет сюрприз.

Он был в Иудейской пустыне
под выжженной солнцем лазорью,
где церковь на склоне ютится
Сорокодневной горы.
И шлепал ногами босыми
по скользкому Мертвому морю,
недвижной слезливой глазницей
зияющей в тартарары.

Стоял у Второго он Храма.
Ладонь обжигал, упираясь
в горячие белые камни
Ха-Котель ха-Маарави.
Просил: "Если вылечить маму
нельзя, то у самого края
избави ее от страданий,
сим милость свою явив".

Себе сам тогда не поверил,
что мог он такое подумать.
Лицо полыхнуло пожаром,
и тут же ударил озноб,
Как будто сибирского ветра
порыв в Иудее вдруг дунул
и стих, остудив высшей кары
клеймо, жить с которым - по гроб...

Он был в Иерусалиме.
Стоял у Гроба Господня.
Серебряный русский крестик
на холод гранита клал...
А где-то в далеком предзимье
ненастного серого полдня
погасла свеча, занавесив
сукном черным взоры зеркал.

Дом на отшибе

Он не низок стоит, не высок,
этот дом на отшибе. Ничей.
На дверях - допотопный замок.
За наличником - пара ключей.
Ни проехать к нему, ни пройти -
все тропинки ведут стороной,
а свернешь - вяжет ловчей сети
бурелом, да крапива стеной.

Не ступала нога на порог
с той глухой предрассветной поры,
как хозяин, почуяв свой срок,
оседлал легкий ветра порыв.
День прошел, или год, или век,
дом во власти волшебных оков -
под прикрытыми ставнями век
взгляд не видящих окон-зрачков.

В самом центре - беленая печь.
В ней - лучины, дрова, береста.
Без труда сможет каждый разжечь,
но момент пока не настал.
Дремлют ходики чуть накреньясь.
Стрелки - на четырех без пяти.
Онемела кукушка - столбняк
деревянную птицу настиг.

Вещи все - на привычных местах:
стол, тахта, пара стульев, комод.
Да у стенки широкий верстак -
возвращения хозяина ждет...
Он об этом не знает пока.
Закипают мозги, клонит в сон.
Организму бы - пару пивка,
но зубрежки - с тележкой вагон.

Сдаст, конечно, посадит, взрастит,
съест пуд соли, отмерит семь раз.
Запах пашни весенней в горсти
он познает и приторный глас
медных труб и суму, и тюрьму.
И на станции, невесть какой,
повинуясь, незнамо кому,
он сойдет предрассветной порой.

Незаметной тропинкой к двери
ноги сами собой приведут.
Сняв замок, он ее отворит
и шагнет за порог в темноту.
Чиркнет спичкой, свечу тронет чуть,
и затеплятся лики святых,
на часах стрелки тронутся в путь,
кот свернется клубком у тахты.

На круги все вернется своя
и пойдет вновь своим чередом.
А пока - сном волшебным объят,
в ожиданье хозяина дом...

Дорогие российские авторы!
Теперь Вы можете легко оказать дружескую помощь нашему portalу.

[Олег Битин](#) [Александр Тихон](#) [Александр Сергеевич](#)

СП